

A Story by Evan Gresham

ЭЛМВУД

ТОВАР С ПУЛЬСОМ

18+

Evan Gresham
ЭЛМВУД: ТОВАР
С ПУЛЬСОМ

<https://litres.ru/74229323>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приехал в Элмвуд за пропавшей дочерью. Нашёл её зажигалку — зашитую в подкладку чужой куртки из секонд-хенда.

Бирка: «Утилизация личных вещей. Ash River Medical».

Город не отпускает. Связи нет. Дорога одна.

Шериф шепчет: «Уедешь. Обязательно уедешь».

В подвале клиники четырнадцать тел дышат через трубки.
Товар с пульсом. Ждут, пока покупатель допьёт виски.

Спасти дочь — убить триста детей. Их ферменты едут в тех же фурах.

Он принял решение. Вы знаете какое.

Но не знаете, что ему сказали в ответ.

Элмвуд сгорел. Вывеска сменилась.

Хартвилл ждёт.

Чёрный рынок органов. Пропавшая дочь. Моральная дилемма.
Система без лица.

Элмвуд — город-ловушка, где главный товар — товар с пульсом.

Содержание

Пролог. (Распишитесь)	5
Глава 1. Чужая куртка	10
Глава 2. Сертификат на труп	23
Глава 3. Трейлер № 14	27
Глава 4. Это окраина	35
Глава 5. 404-В	41
Глава 6. Неликвид	45
Глава 8. Шов	56
Глава 9. Крыша из почек	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Evan Gresham

ЭЛМБУД: ТОВАР С ПУЛЬСОМ

Пролог. (Распишитесь)

Фонарь над аллеей мигал — раз, два, три — и гас. Те-ни дёргались по мокрому асфальту, рваные, с острыми края-ми. Марк торопливо прятал бутылку бурбона: тяжёлое стек-ло впивалось в рёбра на каждом шаге. Спинка скамейки про-ступала сквозь куртку ледяным ребром. В воздухе стоял за-пах прелой листвы — сырой, гнилостный, будто ночь разла-галась где-то за вязами. Холод забирался под одежду, и ме-талл скамейки только подстёгивал его.

Морось не унималась второй час. Мокрые листья липли к подошвам. Правая рука нырнула в карман, пальцы стисну-ли стекло. Дрожь поползла от запястья вверх — к локтю, к плечу.

Тело требовало глотка. Просто глотка.

Он застыл, вслушался. Парк молчал — глухо, ватно, как бывает перед ударом. В груди заныло: почему муниципали-тет отключил свет на соседней улице? Тёмный седан у въез-да торчал там уже полчаса.

Туман сгустился у корней вязов, стирал границы дорожек. Марк переступил с ноги на ногу, задержал дыхание. Фонарь моргнул. Мир утонул в темноте. Тишина навалила на барабанные перепонки.

Жёлтый свет вспыхнул — и выхватил её силуэт. Эмили стояла в паре шагов, промокая насквозь. Морось стекала по спутанным волосам, срывалась каплями с подбородка. Тонкая осенняя куртка обвисла мокрой тряпкой — та самая, второго года носки. Деньги на тёплое пальто давно растворились в его очередном запое.

Губы посинели. Плечи вздрагивали — коротко, судорожно, без толку. Колени подогнулись, он ухватился за спинку скамейки, пошатнулся, вцепился взглядом в стробоскоп фонаря. Жёлтые вспышки кромсали асфальт, дробили ночь на отдельные кадры. Эмили не шагнула навстречу. Стояла. Ждала.

Внутри всё сжалось. Ещё секунда — и он заорёт, схватит её, затолкает в машину. Вернёт себе контроль. Но голос застрял в пересохшем горле. Вместо крика он вонзил ноготь в старый шрам на ладони — резко, до хруста. Кожа лопнула. Кровь выступила тёмной каплей, смешалась с дождём, потекла по пальцам. Скулы свело судорогой. То, что рвалось наружу, ушло обратно, стянулось в тугий узел под рёбрами.

Он засунул правую руку глубже в карман. Выпрямил спину. Подбородок вверх. Челюсть сжать. Вдох — четыре секунды. Выдох — семь. Спина прямая. Спина должна быть пря-

мой. Но ткань куртки ходила ходуном, шея лоснилась от пота, плечи ползли вниз. Колени подгибались. Взгляд блуждал.

Гул трансформатора над головой. Тени вязов легли на её ботинки. Эмили медленно повернула голову. От куртки несло сыростью и дешёвой едой — он обещал ей бургер, снова забыл.

Она стояла. В глазах — ни страха, ни мольбы. Разглядывала его, как разглядывают сломанную вещь. Взгляд скользнул вниз, к правому карману. Кислый запах бурбона шёл от него густо, неотвратно. Марк замер.

Звук мотора. Две фары прорезали туман. Патрульная машина выкатилась из-за поворота аллеи.

Двери открылись. Вышли двое: коп и женщина в сером пальто с папкой.

Луч фонарика ударил Марку в лицо.

— Мистер Рейли. — Коп кивнул на оттопыренный карман, на дрожащие руки. — Опять?

Женщина в сером раскрыла папку. Голос усталый, отработанный:

— Мистер Рейли, вы нарушаете судебный приказ.

Достала ламинированный бланк, прижала к мокрому капоту.

— Суд округа удовлетворил ходатайство об экстренной опеке. Ребёнка забирают в приют до слушания. — Протянула ручку: — Распишитесь, что получили копию.

Марк потянулся. Пальцы не слушались. Ручка выскольз-

нула, шлёпнулась в лужу, брызнула грязью на её туфли.

Женщина даже не вздохнула. Наклонилась, подняла ручку, вытерла о рукав.

— Подпишите, мистер Рейли. Бумага должна быть вручена.

Марк посмотрел на Эмили. Она обхватила себя за плечи, посинела, тряслась. Капли стекали по щекам. Дождь. Просто дождь.

Правая рука всё ещё сжимала бутылку в кармане. Тяжесть тянула вниз. Суставы выкручивало. Медленно, с ненавистью к себе, он вытащил руку. Бутылка осталась в кармане. Взял ручку. Расписался.

Коп подошёл к Эмили. Взял за руку — осторожно, но крепко.

Она не дёрнулась. Посмотрела на оттопыренный карман. На его трясущиеся руки. На бумагу.

— У тебя даже на такси мне денег не осталось, — сказала тихо. — Ты просто пьёшь, пап.

Коп повёл её к машине. Левая рука Эмили была сжата в кулак. Между посиневшими пальцами прятался матовый металл. Серебряная Zipro — с гравировкой «Э.Р. Гори, но не сгорай» — которую он подарил ей месяц назад, когда ещё верил, что может быть ей стеной.

— Эмили, стой... — Марк шагнул вперёд. Нога подвернулась. Он пошатнулся, ухватился за спинку скамейки.

Дверь патрульной захлопнулась. Машина тронулась, ушла

в сырую ночь. Эмили не оглянулась. Она знала, что он не пойдёт.

Марк остался один. Ветер гнал по асфальту мокрую листву.

Он ждал наручников. Ждал, что скрутят, увезут в участок. Но патрульная просто уехала. Забрали то, что нужно. Оставили ему пустоту. Даже наручников не удостоили.

Правая рука ещё помнила форму её тонких пальцев. Мелкая вибрация стала невыносимой. Суставы ломило, в висках стучало.

Он опустил руку в карман. Пальцы нащупали гладкое стекло. Открутили крышку. Дешёвый спирт ударил в нос.

Запрокинул голову. Глоток. Горло обожгло. По груди разлилось свинцовое тепло.

Дрожь отступала.

Глава 1. Чужая куртка

Скрип дворников, резкий и надрывный, заполнял салон.

Воздух внутри пах ржавчиной.

Машина давно стала частью этой промозглой ночи — такой же мокрой, ржавой, мёртвой.

За лобовым стеклом, покрытым жирной плёнкой, проступали очертания Элмвуда. Разбитая дорога уходила вниз, к рядам одинаковых крыш. Ни одного горящего окна. Только мигающая неоновая буква на дальнем конце главной улицы

Вязы вдоль обочины стояли голые, без листвы. Ветви царапали крышу на каждом порыве ветра. Марк считал их, как считал километры до мотеля. Семь. Восемь. Девять

Холод пробирался сквозь промокшую кожаную куртку, оседал в костях.

Пальцы на руле мелко дрожали, большой палец левой руки судорожно тёр старый шрам на правой кисти до боли.

Во рту стоял вкус ржавчины и холодной воды, смешанный с привкусом приближающейся никотиновой ломки.

Тишина давила на уши. Требовался глоток виски. Впереди, сквозь пелену дождя, мерцала в такт головной боли одинокая неоновая буква «L».

Марк медленно свернул на разбитую парковку.

Липкий линолеум неприятно охлаждал босые пятки. В горле першило, желудок сжимался в тугий комок. Марк тяжело

осел на край кровати. Влажная ткань матраса натянулась до хруста, выпуская облако старой пыли и застоявшийся запах чужого пота.

На тумбочке лежал разобранный пистолет: затвор, рама, ударник, возвратная пружина. Комната пахла сыростью и табакком. За тонкой стеной кашлял ночной администратор.

Марк вытер ладонь о грязные джинсы. Кожа покрылась мелким потом, мышцы предплечья свело болезненной судорогой. Капля пота ползла по виску, щипала воспалённый глаз. Фокус плыл. Детали на тумбочке двоились. Пальцы не слушались. Он потянулся к затвору. Металл обдал пальцы стылью. Суставы ломило тупой болью. Ломка выкручивала кисти наружу. Нужно вставить пружину. Рука предательски дёрнулась влево. Детали столкнулись с сухим щелчком. Пружина выскользнула из пальцев, упала на край тумбочки, отскочила от стёртого пластика.

Металлический лязг. Деталь закатилась под кровать. Звон стих в тёмной щели.

Марк выругался сквозь стиснутые зубы. Жадно глотнул затхлый воздух, пытаясь унять тошноту от перепитого вчера дешёвого бурбона. В ушах нарастал тонкий сверлящий звон. Он сплюнул на пол и вернулся к поискам. Опустился на грязные колени. Прижался щекой к сырому линолеуму. Глаза искали тусклый стальной блеск.

Темнота. Пыль. Скомканные окурки.

Тяжёлые шины зашуршали по мокрому гравию парковки.

Фары машины лениво скользнули по грязному стеклу окна, тени от рамы растянулись по обоям.

Обычный ночной объезд шерифа.

Марк поднял пружину, встал, отступил назад, скрываясь в слепой зоне комнаты. Вибрация пола усилилась, затем резко оборвалась.

Двигатель продолжал работать на холостых прямо за тонкой стеной номера. Свет фар переключился на дальний, заливая входную дверь слепящим белым пятном.

Марк сжал руку в кулак. Зачем патрульная машина стоит с включённым дальним светом у его двери?

Он сунул ноги в разбитые ботинки, толкнул дверь. Ночь ударила в лицо мокрой стеной.

Ледяные струи забивались под воротник. Марк плотнее закутался в куртку, пытаясь унять зуд под кожей. Дождь бил по капоту Ford, смывая дорожную пыль. Фары патрульной машины высветили фигуру шерифа.

Бен Харпер шёл по гравию. Левая нога волочилась, оставляя в грязи глубокую рваную борозду.

Шаги звучали неровно: хруст, шлепок, хруст.

Два заместителя в жёлтых дождевиках лениво копались в багажнике.

Один зевнул, прикрыв рот грязной перчаткой.

— Ордер, — прохрипел Марк. Голос стал хриплым от табака.

Харпер остановился в трёх шагах. Медленно достал из

кармана смятый платок, вытер лицо.

— Профилактика, сэр, предписание округа, — устало вздохнул Харпер. — Пока не закончится сезон паводков, фиксируем всех транзитных. Проверка на контрабанду. Рутинка.

— Это незаконно.

— Это окраина.

Харпер потёр переносицу двумя пальцами, выдавливая усталость.

— У вас есть при себе оружие?

— Нет.

— Наркотики?

— Тоже нет.

Харпер сощурился, разглядывая его зрачки.

— Вижу. Только усталость и злость. Документы покажете?

Марк молча протянул водительское удостоверение. Затем вытащил телефон. Экран слабо светился в темноте. Ни одной полоски сети.

— Глушилки, — констатировал Марк, поднимая глаза на шерифа. — Блокируете сигнал на въезде. Изолируете город.

Харпер усмехнулся без капли веселья. Капли дождя стекали по морщинкам, собирались в седой щетине.

— Глушилки? Сынок, ты слишком много читал газет. Башня сотовой связи рухнула во вторник. Ветер, ржавчина, гнилые болты. Ремонт бюджет утвердит весной. Даже на по-

краску патрульных машин денег нет.

Марк вспомнил ржавый щит, который фары выхватили из тумана за милю до мерцающей буквы «L».

Марк достал телефон, пролистал фото. Снял его на въезде, не выходя из машины.

Жёлтый ромб Министерства обороны и АНБ, выцветшие буквы: «Зона санитарного кордона. Постановление № 104-В. Въезд только по спецпропускам». Снимок был мутный, но номер постановления читался.

Глушилки ставили не местные копы, экономящие на краске. Федералы. Марк посмотрел на лес, стоявший плотной стеной вдоль дороги. На дальнем краю парковки, за голым остовом пикапа, темнел чёрный седан. Номера — федеральные, серия «GSA». Стекла тонированы. Двигатель не работал, но на капоте осела роса — машина стояла здесь не первый час. Марк запомнил номер. Три цифры. Буква. Точка — Совсем никакой связи?

— Только проводной телефон в участке. Да и тот заедает. Харпер посмотрел в сторону. Взгляд проскользил, задерживаясь на тёмных окнах клиники на холме.

Один из заместителей пнул тяжёлой обувью пустую пластиковую канистру. Та звонко покатилась по мокрому асфальту, задела бампер Ford.

— Чисто, шериф. Мусор один.

— Сворачиваемся.

Харпер придвинулся ближе. Тёплый запах мокрой шер-

сти, кислого кофе и старых таблеток заполнил пространство между ними. Лицо шерифа оставалось спокойным. Только зрачки сузились.

— Ты не отсюда, Марк, — начал он тихо, почти ласково.

— Искать то, чего нет... опасно. Город маленький, дорога скользкая. Люди иногда теряют направление. Уезжают не туда.

— Я ищу дочь. — Голос Марка сорвался, перешёл в хрип. — Мне плевать на ваши дороги.

Харпер выдержал паузу, задумчиво провёл пальцами по переносице.

— Разное бывает, — продолжил он ровным голосом. — Кто-то засыпает за рулём. Кто-то съезжает в канаву ночью. Наше дело — бумажки оформлять. Протоколы, справки.

— Без неё никуда не поеду, — процедил Марк, не разжимая челюсти.

Харпер улыбнулся криво, грустно. Опустил руку, расслабленно повисшую вдоль тела. Глаза стали добрыми, почти отцовскими. Пустыми.

— Уедешь, сынок, — прошептал он еле слышно. — Обязательно уедешь.

Шериф развернулся. Хромота стала заметней, плечо опустилось.

Сел в патрульную машину.

Дверь захлопнулась, глухо обрезав звуки дождя.

Фары мигнули, ослепив на мгновение.

Машина тронулась, обдав Марка веером ледяных грязных брызг.

Красные стоп-сигналы растворились в тумане.

Марк остался один под проливным дождём. Вода стекала за шиворот, леденя позвоночник. Заместитель небрежно выбросил его куртку с вывернутыми карманами; ткань чернела в луже, жадно впитывая мазут и глину. Копы даже не удосужились вернуть вещи в сумку.

Разбитый бампер Ford, трещина в асфальте, ржавая сетка забора, за которой угадывался пустырь с остовами старых машин.

Марк посмотрел на телефон. Экран вспыхнул и погас, экономя заряд. Убрал бесполезный кусок пластика в карман, нагнулся за мокрой курткой. Пальцы скользили по маслянистой грязи. Крепко сжал тяжёлую намокшую ткань, посмотрел в сторону невидимой в темноте клиники.

Ледяная вода стекала по запястьям, пропитывая манжеты свинцовой тяжестью. Марк подобрал с мокрого асфальта последнюю рубашку. Ткань противно чавкала, выплёвывая чёрную глину.

Фары патрульной машины давно скрылись в густом тумане, но сетчатка всё ещё хранила их красный след. И тяжёлый взгляд Харпера.

Шериф смотрел на чужака без тени интереса — словно перед ним не человек, а очередная головная боль, которую придётся разгребать. В голове уже щёлкали сухие цифры:

сколько часов уйдёт на отчёты, сколько подписей придётся поставить, сколько лишней возни свалилось ему на плечи. Ещё один тяжёлый мешок под ногами — и убирать его придётся именно ему.

Шея затекла, мышцы стянуло узлом. Он медленно развернулся к чёрной неоновой дыре двери мотеля. По телу прошли мурашки. От сырости, пропитавшей этот проклятый город.

Спина вжалась в дверь. Замок клацнул, отрезая от шума дождя. Швырнул куртку на кровать — мокрая кожа шлёпнулась о матрас.

Марк сполз на пол, ощущая, как голое дерево вытягивает тепло из позвоночника. Голова раскалывалась от тупой ноющей боли — расплата за вчерашний бурбон и трое суток без нормального сна.

Во рту стоял кислый привкус бурбона. Кожа казалась натянутой, слишком тугой для тела. Зуд полз под рубашкой, от запястий к плечам, нестерпимый. Четыре секунды вдох, семь секунд выдох. Как на местах преступлений. Посчитал удары пульса на сонной артерии.

Проанализировал симптомы: тремор рук, сжатые виски, пот на спине. Классическая картина никотинового голода, помноженного на хроническую усталость. Мысли рассыпались, не складываясь в цепочку.

Закашлявшись, выплюнул вязкую слюну. Тело жаждало никотина.

Марк упёрся ладонями в пол, заставил себя встать, игнорируя протест ноющих суставов. Мир качнулся влево.

Судорожно схватился за раковину, чтобы не упасть.

В мутном зеркале отражалось серое землистое лицо с воспалёнными глазами и красными прожилками на белках.

Тело требует яда, но хотя бы одна затяжка уберёт тремор, свяжет распадающиеся мысли.

Повернулся к кровати, где в полумраке блестела чёрная кожа куртки.

Шагнул — нога запуталась в скомканном коврике.

Удар коленом об пол отозвался тупой вспышкой в затылке.

Марк зашипел, втянув воздух сквозь стиснутые зубы, пополз к кровати, рывком подтянул куртку за воротник.

Одеревеневшие пальцы скользили по коже, нащупывая левый карман. Молнии царапали ногти, но внутри оказались лишь пыль и крошки.

Вывернул карман наизнанку, отбросил клапан, рванул молнию правого, собачка слетела. Разорвал ткань грубой силой, нырнул рукой в образовавшуюся дыру.

Пусто. Ни пачки сигарет, ни зажигалки.

Голова загудела сильнее.

Тело сотрясала мелкая противная дрожь. Пальцы не слушались, пока он не прижал их к груди, стиснув локти.

В ушах звенело, заглушая всё, кроме монотонного постукивания ржавого крана.

Кап. Пауза. Кап. Пауза длиннее. Кап.

Марк считал интервалы. Три секунды. Четыре. Пять.

Кран ускорился.

Марк вспомнил красную пачку «Мальборо», смятый целлофан.

Купил на заправке. Посмотрел на чек в кармане. Дата размыта.

Посмотрел в зеркало. Щетина на подбородке — три дня, не меньше. Память врала. Подсовывала чужие картинки.

Ударил себя по виску, пытаясь выбить правду из головы. Стены мотеля давили сильнее, тень от оконной рамы легла на пол прутьями клетки. Воздуха не хватало. Рванул воротник рубашки, оторвал пуговицу.

Обнажённая грудь покрылась мурашками, холодный пот стекал по рёбрам.

Схватил куртку, яростно встряхнул над полом, надеясь услышать падение пачки или звон зажигалки.

Слышался лишь шорох пыли и треск швов.

Кожа зудела. Пальцы чесались. Всё тело требовало никотина.

Вцепился в подол обломанными ногтями, с остервенением вспорол шов на боку куртки, раздирая шёлковую подкладку. Пальцы погрузились в ватную прокладку, пока кончики не онемели, а суставы не свело от напряжения.

Ткань зашуршала иначе — между слоями кожи и шёлка. Марк замер. Дыхание перехватило.

Тремор на секунду отступил. Пальцы знали, что искать.

Нащупал утолщение на боку куртки — твёрдый предмет, спрятанный в глубине подкладки и зашитый кем-то грубыми нитками.

Сжав пальцы, прорвал шёлк насквозь.

Звук напомнил разрыв человеческой плоти.

Просунул два пальца внутрь, нащупал гладкий металл.

Зажал край, рванул. Предмет выскользнул из глубины. Марк разжал ладонь.

Стоял посреди комнаты, уставившись в пол. Под ногами хрустел мусор.

Одеревеневшие пальцы правой руки мелко дрожали, но он прикусил губу, заставил их двигаться.

На влажной испачканной коже лежала тяжёлая серебряная зажигалка Zippo.

Металл потускнел от времени, но на крышке чётко читалась гравировка, которую он сам заказал ей на день рождения:

«Э.Р. Гори, но не сгорай».

Из ванной раздавался размеренный звук капающей воды.

Кап. Пауза. Кап.

Звук казался неестественно громким, словно тяжёлый молот бил по вискам.

Марк сглотнул вязкую слюну, провёл ладонью по лицу, стирая влагу.

Запах хлорки, которой уборщица тщетно пыталась уни-

чтожить чёрную плесень, стал невыносимым: щипал воспалённые глаза, душил горло.

Развернул зажигалку в дрожащих пальцах. Внутри, под механизмом, застрял клочок плотной бумаги — на конвейере утилизации никто не вытряхивал мелочь.

Сложенная вдвое наклейка-бирка с логотипом клиники Ash River Medical и штрих-кодом.

«Партия секонд-хенд. Вывоз: 14 октября. Статус: утилизация личных вещей».

Дыхание оборвалось. Металл под пальцами внезапно стал обжигающе горячим. Мышцы свело судорогой. Спина вжалась в стену.

Кап.

Звук капель из крана ударил в барабанные перепонки.

Эмили. Здесь. В проклятом Элмвуде.

Несколько лет назад она исчезла. А зажигалка была здесь.

Сквозь туман ломки проступило старое. Газетная вырезка, приклеенная к пробковой доске в прежнем кабинете: «Грейсон Медикал: утилизация биоматериалов». Тогда он не придавал значения. Теперь бирка, гравировка и логистика сложились в картину, от которой тошнило.

Клиника не ограничивалась органами. Одежду, часы, зажигалки с трупов, бродяг и «списанных» пациентов паковали в тюки, фурами отправляли в секонд-хенды Чикаго, Детройта, Сиэтла.

Дополнительная статья дохода. Отмывание крови через

хлопок и металл.

Куртку, которую он купил в благотворительном магазине в Чикаго полгода назад, привезли оттуда. Рука тогда потянулась сама — запах чужого табака, потёртость на локтях, как у его собственной. Не думал. Взял. Вместе с зашитым в подкладку прощальным подарком дочери.

Комната кружилась. Тени от мигающей за окном неоновой буквы «L» растягивались по старым обоям. Марк перевернул бирку. На обороте — штрих-код и номер партии. Тот же формат, что на мешках с бельём в прачечных. Тот же, что на контейнерах с биоматериалом в морге округа Кинг. Один код. Одна система учёта.

Марк стоял недвижим в центре комнаты. В кулаке — зажигалка. В голове — накладная на экспорт б/у товаров.

Кап.

Глава 2. Сертификат на труп

Просевшая дверь поддалась не сразу. Марк налег плечом. Влажная ткань куртки липла к спине. Заедал замок. Створка уступила с протяжным скрипом, от которого заныли зубы. Над головой зазвенел латунный колокольчик. Тусклый, надтреснутый звук тонул в шуме дождя.

Марк переступил порог благотворительного магазина Ash River

Нафталин ударил в нос ещё от двери. Под ним — застарелый пот и хлорка, которой безуспешно пытались убить запах чужих тел.

Марк сжал челюсти. Элмвуд тонул в сырости, но здесь, под мигающими люминесцентными лампами, стояла сухая стерильность.

Марк огляделся. Ряды металлических вешалок. Горы чужой одежды. Тишина.

Обычная лавка старья для бедных.

Он двинулся вдоль стеллажей. Старался не касаться стен. Подошвы прилипали к липкому линолеуму. Желтый свет ламп выхватывал из полумрака пылинки и бесконечные ряды одежды в мутном полиэтилене.

Марк перебирал вещи. Шершавая ткань скользила под пальцами. Пальто, свитера, джинсы. Он искал не одежду. Искал улику. Доказательство, что он не спятил.

Взгляд зацепился за стойку с темно-синими ветровками. Размер небольшой. Женский. Марк стянул первую с плечиков. Ткань жесткая, неестественно скрипучая. Её вываривали в хлорке, убивая любой запах. Он вывернул рукав. Чисто. Взял вторую. Третью. На пятой, в складках у шва, проступало бурое пятно. Кровь. Старая, но сохранившая рыжий оттенок.

Он подошел к стойке. За ней стоял продавец. Мужчина среднего возраста в дешевой, но отглаженной рубашке. Висела, будто он резко похудел. Смотрел в пол, поправлял несуществующие складки на рукаве.

Марк достал из кармана зажигалку Zippo. Отогнул механизм, пинцетом вытащил сложенный вдвое клочок плотной бумаги. Бирка со штрих-кодом и логотипом Ash River Medical.

— Партия от 14 октября, — голос Марка хрипел от нехватки никотина. — Вывоз личных вещей. Мне нужна одежда из этого реестра.

Продавец замер. Тонкие пальцы дернулись. Взгляд скользнул по бирке, затем по лицу Марка. Стекланный, пустой.

— Извините, сэр. У нас договор с муниципалитетом. Вещи проходят сертификацию как... благотворительный секонд-хенд. Конфиденциальность пациентов клиники запрещает разглашать источники поставок.

Пациентов. Марк зацепился за слово.

— Пациентов? — Он сжал кулаки в карманах. Ногти впились в ладони.

— Это имущество, прошедшее санитарную утилизацию, — тихо, но твердо ответил продавец. — Если у вас нет направления от социального работника, я вынужден просить вас покинуть торговый зал.

Марк развернулся, собираясь уходить, когда дверь подсобки с шумом отворилась. В зал вышла молодая женщина. Под расстегнутым гражданским плащом мелькнул синий медицинский костюм. На шее болтался бейдж — она торопливо заправляла его под воротник. Логотип Ash River Medical. Она подошла к стойке, бросила перед продавцом плотную пачку бумаг. На верхнем листе Марк успел прочесть штамп: «Обработка: хлор, 2% раствор».

— Акты списания за вчера, — голос срывался на середине слов. — Вещи в мешках у черного хода.

Продавец кивнул, пододвигая бумаги ближе.

Женщина огляделась. Пока продавец считал накладные, она сунула руку в свою объемную сумку. Марк видел, как она спрятала несколько бланковых листов с красными полосами «Брак / Списание».

Марк выждал минуту. Вышел следом. Держал дистанцию.

Мокрый асфальт блестел маслянистыми разводами. Женщина свернула в узкий переулок, ведущий к черному ходу клиники, возвышавшейся на холме. Он не знал её имени. Не знал, почему она ворует бланки списания. Но она — звено.

Потяни — и выведет к тем, кто ковал цепь.

Под козырьком приёмного бокса для спецтранспорта она остановилась. Достала из кармана тяжелый латунный жетон с магнитной полосой. Провела им по щели считывателя. Замок отозвался низким, утробным гулом. Тяжелые стальные створки медленно раздвигались, выпуская наружу клубы белого пара и гудение промышленных компрессоров. Женщина шагнула внутрь, в стерильный свет. Створки поползли обратно. Марк замер в слепой зоне, не пытаясь просунуть ногу — гидравлика сомнет кость, как спичку. В ту секунду, пока щель еще оставалась открытой, Сквозняк ударил ему в лицо: сладковатый тлен и формалин. Тот же запах, что стоял в морге округа Кинг, когда он три года подряд подписывал акты о естественной смерти.

Дверь сомкнулась. Щелчок затвора отсек последний звук. След Эмили ушел под землю.

Глава 3. Трейлер № 14

Стальные створки сомкнулись, отрезая его от стерильного холода и сладковатой гнили. Марк остался стоять под ледяной моросью, глядя на слепой металл двери. Лезть сейчас, вслепую, в утробу Ash River Medical — значило лечь в те же бланки, которые она только что украла. Он отступил в тень. Дождь смывал следы с асфальта. Правая рука дрожала. Никотиновый голод. Он пошёл к машине, брошенной в квартале отсюда.

В салоне — сырость и остывший фастфуд.

Не завёлся. Откинулся на продавленное сиденье. Со второй попытки мотор кашлянул и схватил.

Через запотевшее стекло смотрел на монолит клиники.

Смена у санитарок — двенадцать часов, она выйдет на рассвете. Парковка для персонала у восточного крыла. Ржавые пикапы, выцветшие седаны. Ему нужно одно лицо, та, что пахла больничным ароматом.

Небо над Элмвудом серело. Неоновая вывеска дайнера зашипела и погасла.

Чёрный ход загудел, щель расширилась, выпуская клубы пара.

На мокрый бетон шагнула она. Лили Тейлор.

Плотно куталась в тонкую ветровку. Шла, не оглядываясь, плечи опущены, взгляд в асфальт.

Дверца открылась беззвучно, он скользнул следом, держась позади.

В Милл-Роу чужой седан привлекал больше внимания, чем стоя бродячих псов.

Шёл по обочине, прятался за бетонными блоками, за покосившимися столбами.

Воздух пах сырой хвоей и прелым листом, Милл-Роу тонул в утреннем тумане. Бесконечные ряды узких бараков, построенных лесопилкой в тридцатых, облезлый виниловый сайдинг свисал с фасадов, дворы огораживала сетка, на цепях хрипло лаяли тощие дворняги.

Тротуаров не было, Лили шла по грязи, перешагивала маслянистые лужи. В них отражались пустые окна трейлеров и спутниковые тарелки. Она свернула на узкую аллею к старому угольному разрезу.

Шаг замедлился сам собой, тень полуразрушенного сарая приняла его.

Он шёл в тридцати метрах, не ближе, любое лишнее движение могло сорвать её ритм. Лили остановилась у трейлера номер четырнадцать — ржавая стальная коробка с деревянной верандой, вместо ступеней — сырые шлакоблоки.

Достала ключ. Толкнула скрипучую дверь. Исчезла внутри.

Козырёк закрытой автобусной остановки укрыл его от росы.

Запомнил тусклый свет лампочки над её крыльцом. Пра-

вая рука ныла от холода. Пальцы перестали сжиматься в кулак.

Утро только занялось.

Ford остался на парковке у публичной библиотеки округа, где хранились дубликаты для публичного доступа. Приземистое здание из красного кирпича, трещины в кладке, вывеска на одном болте.

Ему нужны были бумаги, но привлекать внимание нельзя.

Подвал библиотеки. Архив. Отмычка провернулась, замок лязгнул.

Он скользнул внутрь, в запах пыли и дешёвого лимонного освежителя.

Тяжёлые металлические стеллажи. Коробки с налоговыми отчётами и аудиторскими выписками.

Луч фонарика выхватил корешки папок. Ash River Medical.

Он вытащил пыльный регистр. Раскрыл. Пальцы скользили по пожелтевшим страницам. Никаких офшоров, подставных фирм.

Цифры. Ровные колонки.

Благотворительный фонд Грейсона: школьные крыши, больничные ИВЛ, пенсии шерифа. Шаги на лестнице. Скрип половиц. Фонарик погас. Присел за стеллаж. Луч чужого фонаря мазнул по полу.

Охранник. Тяжело вздохнул, прошёл мимо, что-то бормоча под нос.

Свет вернулся, цифры снова легли перед глазами.

Желудок сжался, кислота обожгла пищевод. Уничтожить Грейсона — значит обанкротить город за неделю, оставить сотни детей без диализа.

Клиника не пряталась в тених, она держала весь каркас.

Регистр захлопнулся, скользнул во внутренний карман куртки.

К трём часам дождь прекратился. Маслянистые блики на асфальте.

Марк сидел у окна в дайнере «У Джо». Воздух густой. Пережаренный бекон и застарелый табак, въевшийся в винил.

Онемевшие пальцы грелись о керамическую кружку с дешёвым кофе.

Дверь звякнула, порция холодного ветра.

Двое мужчин в грязно-синих комбинезонах тяжело опустились на табуреты.

Один, с седой щетиной и красными глазами, достал планшет.

— Бостонский рейс встал на таможне, — бросил он, не глядя на официантку. — Груз капризный. Температурный режим, мать его, компрессор сдохнет посреди трассы, триста тысяч псу под хвост. А страховая потом год будет мозг выносить.

Официантка подлила кофе, придвинула тарелку с пирогом, протирала стойку тряпкой.

— Снова эти ваши холодильники, Вин?

— Биоконтейнеры, Мардж. Не просто холодильники. — Он откусил пирог, поморщился. — Там не рыба. Ткани. Протухнут — вонь на весь штат. И никакой страховки.

Кружка с горьким кофе отошла в сторону.

Фундамент системы заливали ипотеками, горячими обедами и рейсами с биоконтейнерами.

К вечеру морось сгустилась в промозглый туман. Ford замер у мотеля Route 9 Inn.

Пальцы на руле не слушались, восемь часов в архиве.

Цифры. Подписи. Кровь на полях бухгалтерских гроссбухов.

Выбрался из салона. Деревянные ступени глухо скрипнули, неоновая вывеска мигала, заливая асфальт рваными красными бликами.

Доски прогибались под ногами. У двери своего номера замер: на пороге, строго по центру косяка, белел сложенный вдвое лист.

Плотная хлопковая бумага с едва проступающим водяным знаком.

Такие бланки используют в частных клиниках для рецептов строгого учёта.

Он опустил на корточки, развернул.

Строки ложились на бумагу ровно, как прямая линия на ленте кардиографа.

«Оставьте девочку в покое, если хотите уехать живым».

Тот, кто это писал, не торопился.

Палец провёл по синим чернилам. Высохли.

Замок щёлкнул. Марк вдавил себя в косяк, нащупал выключатель.

Лампа мигнула. Мёртвенно-жёлтый свет.

Он ждал разгрома. Вспоротых матрасов, осколков зеркала. Внутри — стерильная геометрия. Кровать заправлена. Одеяло подогнуто под матрас идеальными «больничными» уголками. Воздух был свежим. Пространство выскоблили. В ноздри ударил запах промышленного хлорамина и синтетического лимона.

Запах больничных коридоров. Рука опустилась от кобуры. Шаг по ковровому покрытию.

На спинке стула висела его куртка, молния застёгнута до самого горла. Внутренний карман пуст. Регистр исчез.

На тумбочке лежал его бытовой беспорядок: смятые чеки, горсть мелочи, тяжёлая серебряная Zippo.

Чеки разглажены, сложены в стопку по хронологии.

Монеты рассортированы по номиналу — три ровных столбика.

Зажигалка лежала строго параллельно краю стола.

В миллиметре от рецептурных бета-блокаторов.

Крышка оранжевого флакона снята.

Одна белая таблетка на сложенной вдвое салфетке, рядом стакан с водой. В нём медленно растворялся край шипучего аспирина.

Они заходили сюда, пока он мёрз под дождём.

Марк смотрел на стакан. Аспирин растворился, жидкость окрасилась в бледно-голубой оттенок.

Цвет венозных катетеров Эмили. Цвет того самого налёта со дна стакана в нераскрытом деле десятилетней давности. Цвет врезался тогда, хотя он ещё не понимал, что видит. Тогда, ещё в форме, он стоял на месте «естественной» смерти и смотрел. Коронер сказал: инфаркт. Марк тогда не знал, что искать. Неосакситоксин. Форт Детрик, закрытые программы, нейротоксин как потенциальное оружие

Зачем стрелять, если сердце можно остановить каплей в стакане воды. Тихо. Чисто. Коронер подпишет инфаркт и пойдёт обедать

Реагент в воде. Сердце останавливается во сне. Натриевые каналы заблокированы, дыхательный центр отключается раньше, чем жертва успеет проснуться. Местный коронер констатирует естественную смерть. Идеальный баланс. Никаких пятен на ковре.

Голубая жидкость ушла в треснувшее кашпо с пластмассовым папоротником.

Он мог бы взять ключи. Уехать. Принять правила. Пальцы уже легли на брелок. Большим пальцем нащупал зубчик зажигания. И замер.

Перед глазами — мокрые волосы Эмили, посиневшие губы, куртка второго года носки. Марк убрал руку от ключей. Сунул в карман. Сжал кулак.

Из кармана легла на ладонь помятая визитка. «Шериф Бен

Харпер. Офис округа. Приёмные часы: 9:00–17:00». Телевизор включился, звук на максимум. Свет в ванной остался гореть.

Подошёл к окну. Замок на раме поддался с трудом. Перевалился через подоконник, пальцы нашли ржавую водосточную трубу, спрыгнул на сырую землю.

Туман осел в горле, обжёг гортань. Шериф Харпер. Офис открывается в девять. Но Марк не собирался ждать. Он пойдёт сейчас.

Сквозь туман, сквозь сонный город, прямо к парадному крыльцу участка.

Глава 4. Это окраина

Туман стоял стеной. Фонари тонули в нём, не доставая до тротуаров

Марк шел по центру Мейн-стрит, и подошвы шлепали по лужам в тишине. Воздух здесь пах иначе, чем в Милл-Роу: сырой золой, остывающим асфальтом и гнилой листвой, которую дворники давно перестали убирать.

Он миновал закрытый дайнер «У Джо». Неоновая вывеска «Open 24/7» превратилась в мёртвый пластик.

На парковке, под ржавым козырьком, стоял седан с номерами Коннектикута.

Лобовое стекло затянуло пылью, словно хозяин вышел за кофе и испарился.

Правое колено заныло. Марк сжимал в кармане промокшей куртки помятую визитку шерифа. Картон размок, буквы расплылись. Он шёл, считая шаги до крыльца участка. Тридцать два. Тридцать три. Подошвы хлюпали в лужах.

Участок округа торчал в конце улицы — приземистое кирпичное здание времен Депрессии.

Свет горел только в двух окнах на втором этаже. Тяжелая дверь поддавалась с глухим скрипом, отсекая холод.

Марк шагнул в вестибюль, втянув голову в плечи.

В холле с пожелтевшим линолеумом не было посетителей. За стойкой из обшарпанного ламината сидел замести-

тель Миллер. Он методично сортировал стопку протоколов, не обращая внимания на шипение радики.

— Шериф Харпер. — Марк вцепился в край стойки, оставляя на пыльной поверхности мокрый отпечаток, слова вышли с хрипом.

Миллер поднял глаза. Белки в красных прожилках, веки припухли.

— Приемные часы с девяти, мистер Рейли. У шерифа мигрень.

— Скажи ему, что я видел, как санитарка выносит пакеты с черного хода. — Марк навалился на стойку. — Скажи, что я знаю про бланки с красными полосами. «Партия 404».

Миллер замер. Убрал ручку в карман, устало потер переносицу.

— Завтра утром приезжают аудиторы из ЕРА. — Заместитель говорил, не отрываясь от протоколов, ровным тоном человека, который повторяет это уже третий раз за неделю. — Если они увидят оригиналы проб, федералы признают округ зоной бедствия и перекроют финансирование. Мэр уже пакует вещи. А шериф сидит в кабинете и переписывает цифры в отчетах, чтобы мы не сдохли до выходных. Иди, Рейли. Он не любит, когда его отвлекают.

Миллер уткнулся в протоколы, не шелохнувшись.

Дверь кабинета открылась с неохотным стоном. Марк шагнул внутрь.

В комнате не было сейфов или досок с фотографиями

подозреваемых, только горы пожелтевших карт и бухгалтерские ведомости.

Бен Харпер сидел за массивным столом в мятой фланелевой рубашке. Он снял очки и протер их краем рубашки, оставляя на стекле жирные разводы.

— Во вторник аудиторы. — Харпер даже не поднял глаз, продолжая скальпелем соскабливать чернила с ламинированной карты водоносных слоев. Говорил тихо, будто слова царапали горло. — Если они увидят правду, Элмвуд закроют на карантин. Перекроют гранты. Мобильная клиника уедет. Сотни людей на диализе просто умрут к пятнице. Поэтому я сижу здесь и свожу дебет с кредитом.

Марк сделал два шага к окну, разглядывая темный силуэт промышленного насоса за грязным стеклом.

— Ты думаешь, Грейсон — маньяк, отравивший город? — Харпер бросил на стол пожелтевший бланк. — Девяносто пятый. Массовые отказы почек.

Марк молчал. Ждал.

— Река Эш пропитана кадмием. — Харпер ткнул скальпелем в бланк. — Мэр засекретил пробы, чтобы фабрику не закрыли. Мы пили эту воду, Марк. Все. Я. Миллер.

— При чём тут Грейсон?

— Две тысячи пятый. — Харпер ткнул скальпелем в свежий отчёт. — Пришёл. Выкупил долги вместе с землёй. Предложил лекарство в обмен на контроль. И город подписал.

Марк обернулся. На краю стола, придавливая стопку штрафов, лежал тяжелый хрустальный пресс-папье.

Верхний штраф был выписан на седан с номерами Коннектикута. За парковку у дайнера «У Джо».

— А туристы? — выдавил Марк. — Тот турист. «Партия 404». «Списание».

Харпер провел пальцем вдоль синей извилины реки.

— Трасса 9 — гиблое место, Марк. Туман, усталость, выскочивший олень. Река Эш местами достигает сорока футов глубины, а дно там — тяжелый ил. Она не возвращает то, что забирает.

— Я видел штампы. — Марк сжал кулаки. — Вы списываете людей как биомусор.

Шериф отложил скальпель.

— Ты посмотрелся кино, сынок, ищешь тайный орден. А здесь просто уставший клерк, который латает дыры в бюджете. — Харпер криво усмехнулся, задвинул папку в ящик и щелкнул замком. — Последний парень, который так же настойчиво интересовался нашими внутренними делами, был аудитором из Хартфорда. Славный малый, приехал на новеньком «Вольво». Понял, что математика не сходится, и решил вернуться домой. Только вот его машина до сих пор ржавеет на дне старого карьера, ил на дне тяжелый, Марк. Он не отпускает. — Харпер поворошил бумаги на столе, вытащил помятый бланк с синей печатью.

— А знаешь, кто подписал разрешение на его «возвраще-

ние домой»? Не я. Не мэр. Какой-то Торн из округа Колумбия. Печать FEMA. Подпись — как у врача на рецепте. Ровная. Скучная. Федералы знают, Марк. Знают и молчат. Потому что им удобно. — Харпер поворошил бумаги, вытащил штрафную квитанцию.

— Кстати, Хартвилл присылает сюда людей каждый квартал. Аудиторы, логисты, связники. У них там свой офис Грейсона. Мотаются по трассе девять, как на работу. Так что не удивляйся, если встретишь знакомое лицо. Город маленький. Дорога одна.

Марк замер. Смотрел на штрафную квитанцию под пресс-папье.

Седан с номерами Коннектикута. «Вольво» не ржавел в карьере, он стоял у дайнера. Харпер лгал. И он знал, что Марк это понял.

Харпер потянулся к нижнему ящику. Пальцы побелели на ручке, челюсть сжалась.

Он достал потертый оранжевый флакон с оксикодоном. Вытряхнул две таблетки на ладонь и глотнул их всухомятку.

— Знаешь, почему я хромаю? — Он задрал штанину, обнажая бугристый шрам и жесткий ортопедический бандаж. — Пятнадцать лет назад я тоже пытался быть героем. Спускался в штольни. Нашел сброс. Мои собственные коллеги подрезали мне сухожилия, чтобы я не дошел до прокуратуры. А Грейсон оплатил операцию. Хромой шериф, который знает цену молчанию, гораздо удобнее мёртвого.

Харпер придвинул к Марку его удостоверение.

— Уезжай, Рейли, иди в мотель, выпишись, а утром отправляйся. Тут тебе нечего делать.

Марк смотрел на потертую кожу чехла. Закон здесь работал как бухгалтерия Грейсона.

Он протянул руку и накрыл удостоверение ладонью.

— Ты прав, Бен. — Марк сунул удостоверение в карман, даже не открыв его. — Я ехал сюда за убийцей. А попал на распродажу.

Марк тяжело поднялся, разминая затекшую ногу.

— Я уеду утром. Забуду про Элмвуд.

Харпер кивнул, уже опуская глаза в ведомость.

— Мудрое решение, Рейли. Дорога скользкая, люди иногда теряют направление.

Марк шагнул к двери. Остановился у порога, положив руку на латунную ручку.

— Один вопрос, Бен. Тот аудитор из Хартфорда... Штраф за парковку у «Джо» кто оплатит? Из фонда Ротари или из кассы Грейсона?

Пальцы Харпера дрогнули. Ручка с хрустом пропорола бумагу. Он поднял глаза.

Марк не стал ждать ответа. Вышел в коридор, закрыв дверь с коротким щелчком.

Туман на крыльце бил в лицо. Марк миновал свою машину и свернул налево. К трейлеру номер четырнадцать.

Глава 5. 404-B

Трейлерный парк на рассвете — кладбище алюминиевых коробок под низким серым небом. Марк месил сапогами раскисшую глину. Пахло мокрым картоном, прелой листвой и сладковатым сиропом от кашля — до тошноты.

Трейлер номер четырнадцать замыкал тупик. Сайдинг пошел пузырями, вместо ступеней — два сырых шлакоблока. Марк вжался в слепую зону у стены.

Там вибрировал старый компрессор. Через тонкий металл пробивался утробный ритм. Слишком натужно для холодильника.

Марк много лет жил с чужими болезнями и выхватил механическое шипение, щелчки клапанов. Домашний диализ. Аппарат надрывался.

Medicaid оплачивал только списанные модели, и машина фильтровала кровь в этой промерзшей банке, захлёбываясь на каждом цикле.

На крыльце под навесом из мутного пластика желтел контейнер для игл. Переполненный, с россыпью пустых блистеров.

Дверь скрипнула. Лили. Растянутая флисовая толстовка, плед на плечах. В одной руке мусорный пакет, в другой — пачка «Мальборо».

Резкое движение — и дверь захлопнется. Ему нужно было

слово, а не крик.

Он остался в тени, поднял пустые ладони на уровень груди.

— Лили, я не из соцслужб.

Лили замерла. Пальцы на пачке побелели, целлофан хрустнул. Мусорный пакет зашуршал в дрожащих пальцах. Она вжалась в косяк, плечом к двери.

— Откуда вы знаете моё имя? — Голос царапал гортань.

— Видел, как забираете бланки с красными полосами. «Брак и списание». — Марк не опускал рук. — Грейсон прислал бы бригаду отключать ваш аппарат от сети. Я пришел один.

Гул стал оглушительным. Лили медленно обернулась, посмотрела на дребезжащую обшивку.

— Матери нужен диализ три раза в неделю, — сказала она. — Страховка покрывает базу. А расходники, фильтры, гепарин — из кармана. Пропустишь день, и почки начнут отравлять её изнутри.

Марк кивнул. Он знал. Несколько лет оплачивал жизнь Эмили по таким же квитанциям.

— Оставьте бумаги при себе. — Голос Марка утонул в гуле трансформатора. — Мне нужен один факт. Не официально.

Лили чиркнула зажигалкой, прикрыла огонек ладонью. Дым ударил Марку в лицо.

— Какой факт?

— Код на бланках. Четыреста четвёртая партия. Но в одном было дополнение — буква «В». 404-В. Что это? Вы ставили подпись на каждом. Я видел.

Лили не вдохнула. Пепел на сигарете вырос, надломился, упал на мокрый блок. Серая крошка. Кадык дёрнулся.

— 404 — это отходы, — прошептала она. — Просроченный физраствор, кровь, фильтры. Их сжигают. А 404-В... — она сглотнула. — 404-В не сжигают. Их прячут.

— Почему?

Лили затаилась, не отрывая взгляда от мокрого блока под ногами.

— Потому что это не отходы — это доноры. Архив клиники, контракты на утилизацию мусора. Шкаф сорок два. Пока срок давности не вышел — они лежат там.

Она бросила сигарету, раздавила подошвой и шагнула в трейлер.

— Не приходите больше. Если аппарат встанет — я скажу, что вы угрожали ножом.

Дверь лязгнула. Марк остался стоять под навесом. За стеной снова набирал обороты компрессор. Чужая кровь текла по трубкам.

Он вернулся к машине, бросил на сиденье куртку. Пот стекал по вискам, капал на разложенные карты. Марк сгреб их в сторону. Ему не нужны были таблицы утилизации. Шкаф сорок два стоял в подвале насосной станции — Марк видел его на схеме в диспетчерской ещё вчера. А что в нём прячут

— узнал только сейчас. Подвал сидел на дренажных колодцах: при сбросе вода шла по ним в русло, смывая всё до бетона. Плотина на Эш сбрасывала воду по графику. Марк видел расписание на схеме в диспетчерской насосной — сфотографировал вчера, пока ждал Лили у трейлера. Сброс в ноль-пять-тридцать. Поток рвёт вниз по руслу сорок минут. Всё, что в воде, уходит в ил

Через сорок минут поток рванет вниз по руслу. Всё, что помечено как «живое», унесёт течением вместе с илом.

В зеркале заднего вида, в глубине тупика, блеснули габариты.

Чёрный седан стоял у выезда. За тонированным стеклом темнели силуэты. Они молча наблюдали.

Марк проверил пистолет в кобуре. Двигатель Ford кашлянул и схватил, щётки дворников заскрипели по стеклу.

До чёрной воды оставалось четыре мили.

Глава 6. Неликвид

Марк оставил Ford в квартале от старых шлюзов. Выключил фары, двигатель заглох с глухим кашлем.

Двигатель заглох. Металл под капотом тикал, остывая. Каждый звук — как удар по виску.

Он сидел несколько минут, вцепившись в руль. Остывающий пластик тянул тепло из ладоней, в голове крутились три символа: 404-В. Лили сказала, что эту партию не сжигают. В пыльном архиве библиотеки он сопоставил код с маршрутным индексом. «Маршрут Б» вёл не к инсинератору. Он вёл сюда — к старым шлюзам и заброшенным водосбросам.

Для Элмвуда река Эш оставалась слепой зоной — течение слишком быстрое, ил достаточно токсичный, чтобы отбить запах у любых ищущих.

Марк выбрался из салона, натянул капюшон промокшей куртки. Воздух ударил в лицо сероводородом, металлическим привкусом кадмия, который оседал горечью на языке. Он включил фонарь, прикрыв ладонью линзу, и шагнул в прибрежную жижу. Глина чавкала под подошвами, земля у бетонного водосброса была изрыта.

Присев на корточки, он направил узкий луч света на мокрый грунт. Двадцать лет в убойном отделе Сиэтла выработали рефлекс: если есть улика, есть и место. А если есть место, остаются следы. Луч выхватил из грязи две параллель-

ные борозды. Узкие, глубокие прорезы. Такие оставляет тяжёлая больничная каталка, когда её волокут по крутому откосу. Следы обрывались у ржавого промышленного бака. Он стоял в тени полуразрушенного каркаса старой бумажной фабрики. Бак предназначался для строительного мусора, но его крышка была приоткрыта — перекошенная, зацепившаяся за погнутую петлю.

Марк подошёл ближе. От бака тянуло глутаровым альдегидом — так пахнет операционная, если вывернуть её наизнанку. Он откинул крышку, петля застонала. Марк замер. Бак был забит медицинским мусором: жёлтые пакеты с маркировкой «Biohazard», горы одноразовых простыней, пропитанных розовой жидкостью, смотанные кольцами прозрачные трубки. Метры ребристого пластика от перфузионных аппаратов — тех самых, что гонят консервирующий раствор через изъятые органы, сохраняя их живыми вне тела.

Пальцы в сыром рукаве перебирали скользкие пакеты, пока не наткнулись на твёрдый пластик. На дне, среди пустых канистр из-под раствора Белцера, лежал тяжёлый термоконтейнер для трансплантации. Пустой.

К его ручке нейлоновой стяжкой был притянут заламинированный бланк.

«Лист оценки донорского материала».

Марк протёр бланк от конденсата.

«Объект: Печень (in toto). Донор: Хейс, Д.

Статус: ОТБРАКОВАНО (REJECTED).

Причина: Экспресс-анализ биопсии. Стеатоз 2-й степени, следовая гепатотоксичность (Анамнез: длительный приём СИОЗС / Сертралин).

Примечание логиста: Риск отторжения графта > 14%. Списать биоматериал в категорию „Некондиция“.

Перфузат слить в дренаж, твёрдые отходы — в инсинератор».

Марк опустил руку. Неликвид. Отбракован из-за антидепрессантов. За трубками и канистрами, в глубине бака, виднелись аккуратные ряды медицинских пакетов. Литры донорской плазмы, уже расслоившейся на густой осадок и желтоватую жидкость. Некоторые пакеты лопнули, скользя красная жижа медленными, равнодушными каплями падала на окислившийся пол, стекая в дренажную решётку, прямо в реку Эш.

Под канистрами, примотанный скотчем к внутренней стенке, торчал край водонепроницаемого чехла с оторванным стикером: «Смена 3 / Борт 7».

Марк поддел его ножом, вытащил папку, раскрыл.

Внутри — транспортные манифесты.

Груз: органы, доноры с кодами 404-А через 404-В.

Время ишемии.

Статусы: «В пути (Бостон)», «В пути (Хартвилл)», «Доставлено (Нью-Йорк)».

И внизу последнего листа — внутренняя переписка.

«Кому: Грейсон, Т.

От: Отдел логистики Тема: Партия 404-В — корректировка. Томас, у нас проблема с совместимостью для реципиента MRN: 749-B-11 (Вэнс, Л., муковисцидоз в анамнезе).

Требуются ферменты Creon 36 000, поставка задерживается.

Предлагаю компенсировать за счёт списания партии 404-В (дети, 7–12 лет, несовместимость тканей).

Бухгалтерия подтверждает: выручка от утилизации 404-В зачисляется в общий операционный фонд.

Расход на Creon для Вэнса списывается из той же статьи. Жду подтверждения».

Под письмом стояла подпись.

«Утверждаю. Э. Рейли, куратор донорских программ».

Марк смотрел на эти буквы. На уверенный, знакомый нажим. Петля буквы «Э». Резкое пересечение «т». Почерк, который он знал слишком хорошо. Семь лет. Семь лет с той ночи в парке, когда патрульная машина увезла подростка в мокрой куртке. Тонкие посиневшие пальцы. Серебряная Zipro в кулаке. А теперь — размашистая подпись взрослого человека под актом на чужую печень.

Но поверить в это он не мог. Не она. Не здесь.

Челюсть свело. Зубы заскрипели, ноготь большого пальца вдавился в ладонь. Белая вмятина.

Он смотрел на вмятину. Считал секунды. Раз. Два. Три. Четыре... Пальцы не разжимались.

В голове — открытка из лагеря.

Кривые петли. «Папа, тут кормят хорошо. Не переживай.» Буква «Э» с длинным хвостом. Тот же нажим, та же петля. Желудок дёрнулся. Марк согнулся пополам, уперевшись лбом в холодный борт бака. Рвотный позыв. Сухой. Нечем. Только жёлчь на языке.

Он выпрямился. Вытер рот тыльной стороной ладони. Посмотрел на папку. Закрыл. Открыл. Снова посмотрел на подпись. Закрыл. Бюрократическая халатность.

Никто не потрудился разделить потоки, уничтожить переписку

Или кто-то хотел, чтобы это нашли. Марк посмотрел на часы. Половина третьего ночи. До рассвета оставалось три часа. Он мог поехать в участок, ворваться к Харперу и швырнуть ему в лицо эту папку. Но шериф уже сказал ему: «Ты пытаешься арестовать не человека. Ты пытаешься арестовать удобную поправку к федеральному бюджету».

Марк сунул папку и бланки в чехол на поясе, закрыл клапан. В мотель. Поспать три часа. Утром — библиотека, архивы пропавших без вести за последние десять лет. Список. Связь между «Партией 404-В» и ферментами, которые получала Эмили.

Марк повернулся, чтобы уйти. И замер. Сверху, со стороны дороги, донёсся звук. Не шум дождя или плеск реки. Низкий, утробный гул дизельного двигателя. Тяжёлые шины хрустнули по гравию. Фары машины скользнули по верхушке бака, отбрасывая длинные тени. Кто-то приехал за мусо-

ром.

Он выключил фонарь. Темнота легла на глаза, как мокрая тряпка. Вжался в ржавый бок бака, холод пополз через куртку к рёбрам. Дверца машины хлопнула. Шаги. Тяжёлые, шаркающие. Голос из темноты, хриплый, уставший:

— База, это Эко-Транс, борт семь. Точка четыре. Мусор на месте. Начинаю погрузку. Да, тот самый. Нет, проблем нет.

Пауза. Шорох рации.

— Замок срезан. Видимо, бомжи или еноты. Спишу как вандализм, акт подпишу утром.

Шаги приближались. Рукоять ножа в кармане. Остаться неподвижным или действовать первым. Шаги остановились в трёх метрах. Луч фонаря скользнул по крышке, задержался на петле.

— Так, — пробормотал санитар себе под нос. — Кто-то уже лазил.

Пальцы побелели на рукояти. Сохранить улики или потерять всё. Санитар потянулся к крышке. Марк сделал выбор.

Глава 7. Паспорт в Матрасе

Марк замер. Убивать работягу, приехавшего по графику, — это грязь. Он медленно опустил нож и нащупал в грязи тяжелый обломок бетона. Пальцы свело от холода, но он размахнулся и швырнул его в густые, гниющие камыши у кромки черной воды.

Глухой всплеск разорвал шум дождя. За ним — шурша-

ние в зарослях, словно крупный зверь ломал сырой камыш.

Мусорщик вздрогнул, луч фонаря метнулся к воде и выхватил из тумана колышущиеся тени.

— Чертовы еноты с карьера, — хрипло выругался он, сплевывая в лужу.

— База, тут стая бродячих псов дерет пакеты. В бак без ствола не полезу. Вызывайте службу отлова или ждите до утра.

Мужчина отошел к кабине, тяжело опустился на подножку и достал термос.

Система держалась на банальном нежелании людей лезть в грязь ради галочки в отчете. Пока он ругался с диспетчером по рации, Марк перекатился через парапет, цепляясь за скользкие корни. Ушел в туман, к лесной просеке, где оставил Ford.

Дорога до мотеля Route 9 Inn. прошла в густой тишине, нарушаемой лишь скрипом дворников и гулом печки, которая не могла прогреть промерзший салон.

Марк не включал свет. Вошел в темноту, запер дверь на цепочку и замер, позволяя глазам привыкнуть к сумраку.

Кто-то здесь был. Они не искали улики — они проводили зачистку.

Марк достал фонарь, прикрыв линзу ладонью. Методично, дюйм за дюймом, простукал номер.

Плнтусы, вентиляционная решетка, бачок унитаза. Ничего.

Он подошел к кровати.

Гнилой матрас, покрытый желтыми пятнами чужого пота, провисал до пола. Марк ухватился за грубую ткань и с усилием откинул его к стене. Старые пружины издали протяжный скрежет.

В узкой, забитой пылью и пеплом щели между каркасом и стеной что-то матово блеснуло. Марк опустил руку в темноту. Пальцы нащупали плотную, шуршащую корочку, слипшуюся от влаги.

Он вытащил находку на свет.

Темно-синий паспорт с оторванной половиной обложки. Страницы насквозь пропитались речной водой и чем-то более густым.

Марк отнес находку к шаткому столу, положил фонарь на край, и узкий луч выхватывал из полумрака лишь пляшущие пылинки.

Пальцы, еще ледяные после реки, с трудом разлепили слипшиеся страницы. Бумага разбухла от крови, превратившись в плотный, неровный брикет, который крошился по краям хлопьями.

На первой странице, под потрескавшейся пленкой, смотрел незнакомец с выцветшими глазами.

Дэвид Хейс, тридцать два года, штат Орегон.

Но взгляд Марка приковывал не чужое лицо — он поднес документ ближе, и в ноздри ударил тот самый запах, преследовавший его с момента заселения.

Резкая стерильность спирта, хлорамина и сладковатый оттенок железа.

Марк медленно опустил руку и посмотрел на кровать. На ту самую узкую щель между каркасом и стеной. Хейс не «свернул не туда» на трассе. Он жил здесь. Когда за ним пришли — тихо, как за буйным пациентом, — он понял, что его сотрут из базы.

В те несколько секунд, пока его волокли к двери, он успел пнуть паспорт в самую глубокую щель, куда не дотянется швабра.

А утром пришла уборщица. Вымыла линолеум едким хлорным раствором, стирая следы борьбы. Сменила верхние простыни. Но не стала надрываться, отодвигая прогнивший каркас, чтобы вымести пыль из темного угла.

Уборщица не нагнулась. Не отодвинула каркас. Протёрла пол шваброй и ушла. Паспорт лежал в щели три дня, или четыре, или неделю.

Марк провел пальцем по внутренней стороне обложки. Там, где годами лежала пластиковая карта-пропуск, остался лишь вдавленный бледный контур. Саму карту забрали вместе с кошельком. Пропустили только то, что жертва намеренно затолкала в мусор.

Марк посмотрел на смятую кровать. Route 9 Inn. был не транзитным мотелем. Это был отстойник бойни. И Марк уже третью ночь спал в дюйме от запекшейся крови предыдущего гостя.

Марк положил паспорт на стол, рядом с холодной зажигалкой. Свет включать не стал. Просто лег поверх покрывала, не снимая влажной куртки, и закрыл глаза.

Пружины матраса издали протяжный скрежет — возможно, последний звук, который слышал Дэвид Хейс.

Тело требовало отключения. Нервы гудели, как натянутая проволока. Никотиновый голод и холод, въевшийся в кости, не давали провалиться в сон.

Марк заставил себя дышать ритмично. Четыре секунды вдох, семь — выдох.

В этой ватной тишине, на грани истощения, память вытолкнула на поверхность.

Эмили в семь лет, спящая на заднем сиденье его старого Ford. Мелькающие фонари рисовали на её щеках золотистые полосы. Он тогда тянулся назад поправить сползший плед, боясь разбудить.

Слеза скатилась по виску, оставляя чистую дорожку на грязной коже и впитываясь в дешевую наволочку.

На несколько минут тишина Элмвуда отступила, и он провалился в короткий, рваный сон.

Марк проснулся от собственного вздоха. Рука инстинктивно дернулась к пустой кобуре.

В номере было темно: неоновая буква за окном наконец погасла. Холод пробрал до позвоночника. Он сел, слушая, как хрустят уставшие суставы. На тритиевом циферблате часов тускло светилось: 04:40.

Он перевел взгляд на стол — паспорт лежал на месте.

Марк взял лист бумаги с графитовым оттиском, снятым несколько часов назад. Сектор 4. Река Эш. Сброс: 05:30.

Если Система была педантична, она не просто выбрасывала тела в воду.

Ей нужно было бумажное прикрытие.

Подпись, превращающая убийство в «несчастный случай на скользкой дороге». Утопленник не мог появиться в морге к утру без акта списания.

Акт требовал присутствия инспектора.

Марк встал, игнорируя тупую боль в правом колене. Плеснул в лицо ледяной, пахнувшей ржавчиной водой из-под крана и посмотрел в треснувшее зеркало.

Из стекла смотрел человек, застрявший в чужом конвейере. Он вытер лицо рукавом, вынул пистолет из кармана куртки, проверил патрон в патроннике и сунул паспорт во внутренний карман.

Выскользнув в предрассветный туман, он вдохнул морозный воздух, густо замешанный на сероводороде и прелой листве.

До «сброса» оставалось пятьдесят минут.

Этого времени как раз хватит, чтобы добраться до старых шлюзов, залечь в грязи и дожидаться инспектора, чья работа заключалась в том, чтобы поставить печать под чужой смертью.

Глава 8. Шов

Речная вода с чавканьем билась о бетон. Воздух ударил в лицо сероводородом, гнилой землёй, прелыми водорослями.

Марк стоял на коленях в ледяной жиже, ногтями сдирал плотную маслянистую плёнку с вздувшегося живота мертвеца. Слизкая масса из жира и слизи пузырилась под пальцами. Вонь забивала поры. На корне языка осел горький привкус желчи. Горло перехватило спазмом.

Он копал глубже. Рвотный позыв вдавил диафрагму — Марк стиснул челюсти, вогнал пальцы глубже. Резкий рывок. Пальцы провалились в чёрный ил, наткнулись на тугой бугорок под костлявым ребром. Слишком ровный. Слишком круглый.

Луч фонаря ударил в спину, выхватил из темноты маслянистый блеск воды. Чавканье волн перекрыл нервный сбивчивый голос:

— Отойдите от брюшной полости! Прошу вас! — Голос из-за ослепляющего света сорвался на визг. — Повредите эпидермис — отдел контроля качества Грейсона спишет на мою халатность!

Марк медленно обернулся. Луч дрожал, выписывал по туману рваные круги.

— Вы ведь из головного офиса? Из Ash River Medical? — Фигура в грязном белом халате переминалась с ноги на но-

гу, дорогие ботинки хлюпали в жиже. — Я уже заполнил акт утилизации! Это не мой брак! Логисты повредили упаковку при транспортировке! Поставите минус в квартальном аудите, отзовут корпоративную страховку! У меня дети! Младшему нужны ферменты, вы знаете, сколько они стоят!

Марк сплюнул вязкую слюну. Правую руку свело судорогой, пальцы непроизвольно сжались в кулак, вдавливая грязь в ладонь.

— Свети на шов.

— Там нет никакого шва! В отчёте написано «утопление»! Стандартный протокол списания бракованного материала!

Фонарь дёрнулся, скользнул по бетонной набережной, снова упёрся в затылок трупа.

— Я уже подписал бумаги. Пожалуйста, не фотографируйте дефекты для аудита! У меня ипотека. Грейсон урежет квоту, банк заберёт дом!

Марк смотрел, как халат трясётся над бланком, как пальцы в перчатках мнут край планшета.

Патологоанатом прижимал планшет к груди обеими руками. Пальцы побелели на краях. Губы шевелились, пересчитывая что-то. Не имя на бирке. Цифры. Штрафы. Месяцы до выплаты.

— Что извлекли? — прорычал Марк, стряхнув врача на скользкие камни. — Токсины? Следы тяжёлых металлов в печени?

Патологоанатом замотал головой. Дрожащими белыми

пальцами оторвал от планшета верхний лист. Бумага мгновенно намокла, чернила расплылись синими потёками.

— Никаких токсинов! — выкрикнул он, захлёбываясь дождём, протянул лист. — Только консервация! Я обязан ввести маркер, иначе партию не примут на складе Грейсона. Вернут обратно, выпишут штраф!

Марк выхватил бланк.

В графе «Причина утилизации» стоял сухой типографский штамп с кодом фермента: «Партия 404-ЕМ, ингибитор распада тканей».

Рядом виднелся штрихкод, который дождь ещё не успел размывать.

Марк машинально сунул мокрый бланк в водонепроницаемый чехол на поясе, застегнул клапан. Ливень стирал черты лица трупа, превращал его в безымянную серую массу. Но в памяти, освещённый вспышкой, остался шов.

Нить. Хирургический шёлк или кетгут всегда дают микроблик под прямым светом.

Эта нить была абсолютно матовой, с лёгким пепельным оттенком. Словно её специально выкрасили в цвет речного бетона. Зачем маскировать внутренний шов, который всё равно закроют грязью?

Марк натянул капюшон, пригибаясь к шквальному ветру, зашагал к машине.

Тяжёлая дверца захлопнулась. Глухой стук дождя по крыше отрезал салон от набережной. Марк упёрся затылком в

подголовник, закрыл глаза. Десять минут яростная дрожь в пальцах не утихала. Потом отпустила — осталась только тупая ноющая боль. Выдохнул. С хрипом.

Стёр холодный пот рукавом куртки. Потянулся к кнопке плафона. Тусклый жёлтый свет вспыхнул, выхватил из темноты потрескавшуюся панель.

Правая рука предательски тряслась, начиная с кончиков пальцев, вверх к плечу, отдаваясь тупой болью в ключице. Марк сунул руку в карман, нащупал зажигалку. Щелк.

Огонь не зажёгся — бензин кончился во вторник.

Щелк.

Металл был ледяным, но Марк продолжал откидывать крышку большим пальцем.

Щелк. Щелк.

Ритмичный звук перебивал гул в ушах, давал мышцам иллюзию контроля. Нажал на защёлку бардачка. Достал скомканную квитанцию Эмили. Бумага сухая, шершавая, с жёлтыми следами от скотча на сгибах.

Доказательство, что он был всё-таки отец. О платил.

Затем достал из чехла мокрый бланк патологоанатома, разгладил на холодном руле. Бумага расплзлась под пальцами, превращалась в серую кашу. Надавил подушечкой, пытаясь распрямить загнутый угол. Мокрая плоть документа порвалась, оставила на коже синюю кляксу. Марк выругался сквозь зубы. Прижал бланк ладонью, навалился весом, чтобы зафиксировать цифры.

Поднёс зажигалку к бумаге, надеясь, что тепло ладони остановит расползание чернил. Бесполезно.

Желудок скрутило спазмом. Марк вдавил педаль тормоза до упора, хотя машина стояла на ручнике. В ушах нарастал глухой гул. Ритмичный скрежет дворников, которых больше не было, перекрывал его.

С куртки стекала чёрная речная вода, капала на резиновые коврики. Он с силой потёр большой палец о шрам на правой руке, пытаясь стереть въевшуюся глину.

Чёрная слизь забилась глубоко под ногти, смешалась с чужим мёртвым жиром.

Мышцы предплечья сводило судорогой. Требовался алкоголь или никотин, чтобы снять электрический зуд под кожей. Марк стиснул зубы так, что закрипела эмаль.

Воздух в салоне пах мокрой шерстью и дешёвым табаком. Но с каждым вдохом этот запах отступал. Его вытеснял другой.

Стерильный, режущий ноздри аромат больничного коридора: хлорка, йод, сладковатый тлен цветочных букетов.

Запах палаты номер четыреста двенадцать.

Марк моргнул, стряхнул с ресниц каплю, перевёл взгляд на левый лист. Мокрый бланк. Чернила поплыли, превратили буквы в синих пауков, но штамп в правом верхнем углу сохранил чёткость.

Партия 404-ЕМ. Ингибитор распада тканей.

Рядом с цифрами стоял серийный код транзакции, отпе-

чатанный бледно-голубыми чернилами.

Точно такого же цвета были вены на запястье Эмили, когда игла входила в них в третий раз за неделю.

Бледно-голубые чернила. Тонкие, ломкие, проступающие сквозь пергаментную кожу. Перевёл взгляд на правый лист.

Скомканная квитанция из клиники. В графе «Оплачено» стояла сумма, которую он не мог заработать легально даже за десять лет.

Под суммой — внутренний каталожный номер поставки ферментов. Совпадение. Сквозная нумерация дистрибьюторов. Типовой порядок. Код 404 — классификатор нефрологических препаратов. Грейсон — монополист. Его логотип на каждой коробке с физраствором в штате.

Марк проглотил ком в горле, согнулся вперёд, уперся лбом в холодный пластик руля.

Дыхание сбивалось. Вдох. Выдох. Вдох. Заставил себя выпрямиться.

Поднёс бланк ближе к лампе. Свет выхватил термопечать.

DONOR UNIT:

404-EM. ABO/Rh:

O Positive. Product Code:

RBC-P. Anticoagulant: CPDA-1.

Он знал этот код. Эритроцитарная масса, лейкофильтрованная. Стандарт для пациентов в листе ожидания. Кровь, которой поддерживали жизнь, пока орган ехал из другого штата. Срок годности пакета — сорок два дня. Эмили ждала

свой на сорок третий.

RECIPIENT:

MRN: 749-B-11. ABO/Rh:

O Positive. Special Requirements: Antigen-negative, CMV-.

Марк задержал дыхание. CMV- — цитомегаловирус отрицательный. Золотой стандарт. Для обычного пациента — избыточная страховка. Для реципиента с убитым иммунитетом любая вирусная нагрузка означала сепсис и отказ трансплантата. Грейсон не экономил на безопасности. Он экономил на источниках.

CROSSMATCH:

Type and Screen: Compatible.

Electronic (IS): [X] Negative.

Segment ID: B-11-A3. Alpha-3 Marker:

Verified. Preservation: CPD-56.

Compatibility: Match.

CPD-56 — проприетарный консервант Грейсона, не значившийся ни в одном открытом справочнике. Не CPDA-1 с его сорока двумя днями. Фирменная формула. Свои сроки, свои правила, свои мертвецы.

Один принтер. Один счёт. Сравнивал последние цифры. Внутренние маркеры списания. Те, которые не видят пациенты. Видят только бухгалтеры и могильщики.

Маркер консервации крови. Маркер совместимости тканей. Воспоминание ударило под дых, выбило остатки воздуха из лёгких.

Тот вторник. Дождь точно такой же, как сегодня.

Эмили лежала на белых простынях, кожа серая, как речной ил.

Врач в белом халате стоял у капельницы, постукивал металлической ручкой по пластиковому планшету.

Тик. Тик. Тик.

«Мы нашли для неё донора, мистер Рейли. Чудесное совпадение. Орган молодой, здоровый. Процедура требует нестандартных логистических решений».

Врач улыбнулся. Марк тогда не посмотрел на его руки. Смотрел только на бледно-голубые вены дочери, в которые уже текла жизнь. Бледно-голубые чернила на бланке согласия.

Капля речной воды сорвалась с волос, упала прямо на цифру «ноль» в конце серийного номера. Чернила не растеклись. Впитались в бумагу, пропитанную речной грязью.

Коды совпали до последнего символа. Гул в ушах стал плотнее, превратился в непрерывный низкий рокот. Кровь колотилась в височных артериях, заглушала ливень.

Дождь барабанил по крыше машины, но Марк больше его не слышал. Слышал только ровное механическое дыхание аппарата искусственной вентиляции лёгких, который три года качал воздух в грудь его девочки.

Каждый вдох Эмили был куплен. Каждая розовая капля, возвращающаяся на её щёки, была выжата из бледного раздутого тела в грязи на берегу реки Эш.

Марк медленно опустил руки. Бумаги соскользнули с руля, упали на мокрый пол под педали. Не потянулся за ними. Смотрел на свои ладони. На чёрную грязь под ногтями. На чужой жир, въевшийся в папиллярные линии.

Платил за жизнь своего ребёнка чужой плотью. Его подпись стояла у основания каждой вырезанной почки.

Открыл рот, пытаюсь вдохнуть.

Марк посмотрел на свои ладони. Чёрная грязь под ногтями. Чужой жир в папиллярных линиях. Он сжал кулаки. Разжал. Снова сжал. Кожа скрипнула

Этот кто-то лежал в сотне метров отсюда. С ровным швом на животе. Швом, наложенным той же нитью, что держала Эмили на этом свете. Той же рукой, что выписывала счета.

Марк откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. Темнота за веками не принесла облегчения. В ней не было лица дочери. Только цифры. Бледно-голубые, тонкие, как вены. Цифры, связывающие его с гниющей плотью незнакомца.

Глава 9. Крыша из почек

Потолок вибрировал. Ритмично, с интервалом в четыре секунды.

Сверху, через слой бетона и деревянных перекрытий, пробивался глухой топот. Резиновые подошвы кроссовок били по паркету школьного спортзала.

Марк провел ладонью по стеллажу.

Пыль смешалась с конденсатом, превращаясь в серую грязь под ногтями. В углу ржавело цинковое ведро. От него тянуло аммиаком и сырой тряпкой. Воздух в подвале не двигался. Сладковатое прение картонных коробок перебивало запах половой мастики.

Дверца шкафа №4 висела на одной петле.

Марк уперся бедром в косяк, потянул ручку. Доски скрежетали, пока не поддались с влажным чмоканьем.

Внутри — ряды корешков. Он вытащил третий том. Кленка прилипла к пальцам. Марк положил его на стол бухгалтера, смахнув локтем коробку с канцелярскими скрепками. Скрепки звякнули по линолеуму. Звук утонул в очередном ударе кроссовок наверху.

Фонарь щелкнул. Узкий луч выхватил колонки цифр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.